Альтернативы Октября. Круглый стол «Петербургского исторического журнала»

УДК 94(47).084.1
УДК 94(47).084.2

К. А. Тарасов

Категория альтернативности в изучении Революции 1917 г.

Для советской историографии при описании истории Октябрьской революции было характерно указание на ее закономерность, предопределенность, неизбежность, а иногда даже на ее «историческую необходимость». Главное внимание уделялось объективным, прежде всего социально-экономическим факторам. Такой взгляд на исторический процесс восходил к марксистской теории естественной смены формаций в ее ленинской интерпретации. Однако очень часто это подразумевало определенную телеологию в рассмотрении сложных и противоречивых событий прошлого.

Начало активной открытой дискуссии по вопросу о возможных альтернативах революционного периода было положено исследованием авторитетного историка П. В. Волобуева «Выбор путей общественного развития», вышедшим в 1987 г.[1] В ней он поставил под сомнение «железные законы» исторического развития и предложил взглянуть на переход к социализму как на выбор людей. Нельзя сказать, что эта тема поднималась историками впервые[2]. Однако такая постановка вопроса упала на благодатную почву общества эпохи Перестройки. В этот период особенно остро стоял вопрос о дальнейшем развитии социализма в стране, подвергались сомнению основы идеологии Советского Союза, происходили глубокие изменения в общественном мнении и переосмысление всего

полученного исторического опыта. Как отмечали Г. А. Бордюгов и В. А. Козлов, это был период, когда в общество возвращалось ощущение, что в истории есть выбор, что она зависит от людей. Они писали: «Чтобы поверить в альтернативность будущего, психологически важны были альтернативы в прошлом. Чем сильнее обнаруживало себя стремление уйти от прошлого, от сталинской системы, тем большей была потребность вернуться к истокам, к той точке, с которой движение пошло “не туда”»[3].

Коротко позиции П. В. Волобуева и других историков, выступавших по этому вопросу с марксистских позиций, можно свести к следующему. Альтернативы возникают в ситуации перелома в обществе. Они являются следствием противоборствующих тенденций, одни из которых являются прогрессивными, другие — консервативными. При этом лишь одна из тенденций выражает общие закономерности развития. Другие, даже в случае их победы, являются лишь «зигзагами истории». Противоборство альтернатив реализуется посредством классовой борьбы. Осуществление же исторической альтернативы, т.е. ее переход из возможности в действительность, зависит от взаимодействия субъективных и объективных факторов[4]. Как мы видим, не предлагалось отказываться от существовавших построений теоретиков марксизма.

Причины, побудившие П. В. Волобуева начать обсуждение проблем альтернативности, он сформулировал на заседании круглого стола в 1988 г.: «С другой стороны, сегодня перед нами стоит задача защиты, если угодно, Октябрьской революции. Дело в том, что в последние годы, и вы об этом знаете, в связи с разочарованием части советской общественности, особенно молодежи, в социалистических идеалах и социалистических ценностях, получили хождение неверные представления и о нашей революции». Он констатировал ситуацию, что в обществе распространены сомнения, не свернула ли Россия в 1917 г. с «нормального» демократического пути, а сама советская история не оказалась ли «неудачным социалистическим экспериментом»[5]. Можно сказать, что историк лишь отвечал на вызов времени[6].

Свою позицию по этому вопросу П. В. Волобуев сформулировал довольно отчетливо. Он отверг мнение, что в России могла реализоваться «буржуазно-демократическая» альтернатива. Власть умеренного социалистического блока и кадетов, по его мнению, не была сильной и не могла спасти страну от распада. Реальными альтернативами развития революционного процесса осенью 1917 г. были всего две: или власть Советов, или «диктатура контрреволюционной военщины». Иными словами, если бы большевики промедлили со взятием власти, произошла бы «вторая корниловщина». Другие социально-политические возможности выхода из кризиса к этому времени были исчерпаны[7]. Книга Волобуева и другие его выступления и статьи вызвали широкий отклик, что позволило Б. Г. Могильницкому отметить: «Трудно назвать другую историческую теоретическую проблему, которая вызвала бы сегодня такой напряженный интерес научной общественности, как проблема альтернативности исторического

развития»[8]. Большая группа авторитетных исследователей этого периода поддержали и развили аргументы Волобуева[9]. Другие отказывались принимать такую постановку вопроса. Влиятельный И. И. Минц на том же круглом столе 1988 г. заявил, что Октябрь «был неизбежен и необходим», что «ему не было альтернативы»[10]. Наконец, третьи готовы были пересмотреть устоявшуюся модель развития Революции 1917 г. и доказывали возможность реализации «демократической альтернативы». В. И. Старцев считал, что поражение корниловского выступления делало невозможным установление военной диктатуры. Он отстаивал точку зрения, что реальным и даже более вероятным было продолжение развития России по «буржуазно-демократическому» пути при сохранении у власти Временного правительства в условиях подготовки и проведения Учредительного собрания. Такая возможность была обеспечена тем, что правительство продолжали поддерживать умеренные социалистические партии и Предпарламент[11]. Исход революции был предрешен благодаря субъективным факторам: победа курса Ленина на вооруженное восстание и отказ Керенского от проведения необходимых реформ (прежде всего от передачи земли крестьянам и заключения мира)[12]. Повышенное внимание к «демократической альтернативе» в основном связано уже с постсоветским периодом. Однако эти дискуссии уже не носили такого острого характера, как ранее[13].

Важно подчеркнуть, что для серьезных научных исследований характерно рассмотрение не наиболее желательных альтернатив, а тех, что имели определенную возможность для реализации. Однако для каких целей в научном анализе можно использовать категорию альтернативности? Во-первых, она уже выполнила определенную функцию для советской историографии 1980-х гг., демифологизировав понятие исторической необходимости. Известный исследователь Л. Хеймсон, подводя итог этим дискуссиям, писал, что альтернативность «полезна, чтобы освободиться от примитивных концепций, концентрирующих внимание лишь на особых законах экономического развития и людях, которые якобы эти законы поняли, то есть чтобы восстановить изучение истории во всех ее аспектах»[14].

Во-вторых, как это уже отмечалось Н. Т. Кудиновой, подробно описавшей историографическую полемику об альтернативности, изучение противостоящих тенденций в революционном процессе позволяет рассматривать те проблемы, на которые долгое время не обращали внимания[15]. Исследование только магистрального пути мешает увидеть отклонения от него, которые зачастую не менее важны для понимания ситуации. Их игнорирование обедняет наши представления о событиях прошлого. Вне контекста политической борьбы и рассмотрения альтернатив, которые выдвигались различными силами, октябрьские события выглядят как вооруженный захват власти в столице кучкой фанатиков.

В год столетнего юбилея революции 1917 г. исследователи почти не ставят напрямую вопрос об альтернативах развития страны. Эта тема отдана на откуп

публицистам. Однако суждения об упущенных возможностях зачастую присутствуют имплицитно. Для того чтобы более четко обозначить существующие в современной историографии позиции на этот счет, редакция «Петербургского исторического журнала» обратилась к ведущим исследователям этого периода с просьбой высказать свое мнение о той или иной альтернативе. Целью такого заочного круглого стола было собрать вместе различные точки зрения и вновь проблематизировать октябрьские события, которые являлись следствием сложного переплетения социальных, экономических и политических факторов.

Мы благодарны участникам круглого стола за их отклик и вдумчивое отношение к теме. В особенности мы хотели бы выразить признательность Г. З. Иоффе, который принимал участие в дискуссиях об альтернативности революционного процесса еще в 80-х гг. прошлого века и вновь согласился вернуться к одному из аспектов этой темы.

---

1 *Волобуев П. В.* Выбор путей общественного развития: теория, история, современность. М., 1987.

2 См.: *Калашников В. В.* Об альтернативах в развитии Русской революции 1917 года (историографические заметки) // Межвузовская научная конференция «Русская революция 1917 года: проблемы истории и историографии». Сб. докладов. СПб., 2013. С. 63–67.

3 *Бордюгов Г. А., Козлов В. А.* История и конъюнктура. Субъективные заметки об истории советского общества. М., 1992. С. 54–55.

4 См. также *Ковальченко И. Д.* Методы исторического исследования. М., 1987; *Могильницкий Б. Г.* Историческая альтернативность: Методологический аспект // Новая и новейшая история. 1990. № 3. С. 3–16.

5 Россия 1917 год. Выбор исторического пути. М., 1989. С. 12–13.

6 Случайность Октябрьских событий обосновывалась в некоторых серьезных западных работах. Наиболее последовательно эта позиция аргументирована в книге Р. Дэниелса (*Daniels R. V.* Red October. The Bolshevik Revolution of 1917. New York, 1967).

7 Россия 1917 год. Выбор исторического пути. М., 1989. С. 17; *Волобуев П. В.* 1917 год: была ли альтернатива? // Октябрь 1917: величайшее событие века или социальная катастрофа? М., 1991. С. 149.

8 *Могильницкий Б. Г.* Историческая альтернативность: Методологический аспект // Новая и новейшая история. 1990. № 3. С. 3.

9 *Гусев К. В.* К вопросу о демократической альтернативе Октября // Октябрьская революция: Народ ее творец или заложник? М., 1989. С. 30–41; *Иоффе Г. З.* Социалистические партии в 1917 году // Коммунист. 1990. № 10. С. 23–24; *Поляков Ю.* О возможности «третьего пути» // Коммунист. 1990. № 12. С. 22–24; *Шистер Е. Л.* Была ли альтернатива вооруженному восстанию? (В. И. Ленин о лозунге «Вся власть Советам и возможности мирного развития революции после разгрома корниловщины) // История СССР. 1990. № 6. С. 134–145; *Созонов В., Логинов В.* Нужно ли было идти от Февраля к Октябрю // Диалог. 1991. № 2. С. 84–90.

10 Россия 1917 год. Выбор исторического пути. М., 1989. С. 31.

11 *Старцев В. И.* Альтернатива: фантазии и реальность // Октябрь 1917: величайшее событие века или социальная катастрофа? М., 1991. С. 127–128.

12 Там же. С. 135–137.

13 *Шемякин А. Л.* 1917 год: меньшевистская альтернатива // Полис. 1993. № 1. С. 162–172; Всероссийское Учредительное собрание и демократическая альтернатива. Два взгляда // Отечественная история. 1993. № 5. С. 3–19; *Бурганов А. Х.* Была ли возможность

создания демократического правительства после Октябрьской революции? // Отечественная история. 1993. № 5. С. 25–38; *Злоказов Г. И.* Переговоры об однородном социалистическом правительстве после Октябрьской революции // Отечественная история. 1996. № 5. С. 132–145; *Герасименко Г. А.* Судьба демократической альтернативы в России 1917 года и роль ее лидеров // Вопросы истории. 2005. № 7. С. 3–22; *Медушевский А. Н.* Причины крушения Демократической республики в России в 1917 г. // Отечественная история. 2007. № 6. С. 3–27.

[14] Реформы или революция? Россия 1861–1917: Материалы международного коллоквиума историков. М., 1992. С. 382.

[15] *Кудинова Н. Т.* Альтернативы 1917 года: вопросы методологии и историографии. Хабаровск, 1992. С. 20.

УДК 94(47).084.1
УДК 94(47).084.2

А. А. Иванов

Правая альтернатива революции: беспочвенная фантазия или упущенная возможность?

Столетний юбилей двух революций — Февральской и Октябрьской или, как теперь принято говорить, Великой Российской революции 1917 г., является не только хорошим поводом к подведению историографических итогов, но и заставляет поразмышлять о том, насколько это переломное событие нашей истории было неотвратимым и безальтернативным. Одним из вопросов в рамках этих рассуждений является следующий: были ли хоть какие-то перспективы у правых партий и организаций накануне и во время революции 1917 г. или они изначально были обречены на поражение и полный разгром? Прежде чем попытаться ответить на него, необходимо сделать пояснение, что под правыми в рамках данного доклада будут подразумеваться исключительно монархические партии и организации, верные уваровской триаде «православие, самодержавие, народность», т.е. есть те силы, которые носили название «правых» до революционных событий 1917 г., а не те, кто ситуативно оказался правее кадетов или социалистов уже в водовороте революции.

Напомню, что к февралю 1917 г. правые (консервативные) политические структуры подошли в состоянии полного разброда, упадка численности и вли-